

ИСКУССТВО

В. Г. Пуцко

СВЯТЫЕ И СВАТЫНИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI в. : ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И РУССКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИКВИИ

Обширная тема почитания святых и реликвий в контексте развития сакрального искусства средневековой Руси лишь сравнительно недавно стала предметом специальных научных разысканий¹. В условиях Московского государства, как известно, она имеет свою специфику, связанную с концепцией «Третьего Рима»². Идея преемственности по отношению к Византии и Киевской Руси, будучи политической доктриной, нуждалась в вещественном подтверждении, в наличии исторических реалий, отсутствие которых не могли полностью компенсировать тексты соответствующих сказаний. Последние не всегда находят подтверждение при обращении к произведениям искусства, традиционно воспринимаемым в качестве меморий. Но есть и отрадные факты, позволяющие утверждать, что далеко не всё из разыскиваемых реликвий погибло бесследно.

К большому сожалению, обсуждаемый материал в течение длительного времени оставался практически недоступным для изучения, а частично таковым является и сегодня. Вряд ли кто может уверенно сказать, что именно сохранилось и где: ведь большая часть уцелевших реликвариев с перечнями заключенных в них мощей и фрагментов мемориальных предметов не введена в научный оборот. Не опубликованы данные и о сохранившихся в России святых мощах, а также имеющие сегодня значение первостепенного исторического источника акты их вскрытия. Тем не менее происходит постепенное накопление данных, имеющих самое непосредственное отношение к почитанию русских святых и к тесно связанному с ним церковному искусству XVI в.

1. Русские святые и их почитание.

История канонизации в Русской Православной Церкви, до середины XV в. принадлежавшей к Константинопольскому патриархату, в целом освещена в исследовании Е. Е. Голубинского³. Написанное в начале 90-х годов XIX в., оно и сегодня остается незаменимым пособием, но, конечно, нуждается в дополнениях и уточнениях. Н. П. Барсуков составил донныне не утративший свою научную ценность указатель по русской агиографии, с обширной информацией о мощах и месте погребения как канонизированных, так и имеющих народное почитание лиц⁴. Этот труд может служить основой для более детального изучения, с учетом хронологии, топографии, статистических данных, касающихся

¹ Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума. М., 2000; Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000.

² Подробнее см.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

³ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894 (2-е изд. М., 1903); см. также: Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). 3-е изд. Париж, 1985; Канонизация святых (Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси). Троице-Сергиева лавра. 6–9 июня 1988 г.

⁴ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

места погребения и развития культа. Белым пятном большей частью остается локальная традиция, лишь частично отраженная в агиографических текстах⁵. Обычно она исчезает вместе с ее носителями, что наглядно можно видеть на Русском Севере, где почивают под спудом немало местных святых, в том числе внесенных в церковный Месяцеслов.

Не стремясь повторять известное, можно лишь заметить, что обретение мощей иногда в конечном счете приводило к их утрате, и сегодня нет, скажем, сведений о местонахождении священных останков святых князей Бориса и Глеба. Мощи печерских подвижников в литературе известны чаще всего лишь по именам, и только недавно опубликованы более конкретные данные, согласно которым в Ближних пещерах 73 и в Дальних — 48 гробниц⁶. В этом смысле значительно более благополучно дело обстоит с состоянием мощей московских святителей и преподобного Сергия Радонежского, а также новгородских святых. В числе последних есть канонизованные Собором 1547 г. и Собором 1549 г., в списке которых находим лиц, мощи которых обреты или же оставались под спудом, а также тех, чьи мощи к тому времени или позже утрачены.

В соответствии с церковной традицией должны были появиться изображения прославленных святых, прежде всего на местах их погребения и почитания. В целом этот обычай существовал, и в Московском государстве XVI в. может быть засвидетельствован сохранившимися иконами и шитыми покрывами. Однако известны изображения далеко не всех русских святых, канонизованных в то время: утрачены или так и не были созданы? В отличие от широкого почитания собственно московских святых и таких прославленных подвижников, как преподобный Кирилл Белозерский, локальные культы оказывались намного слабее и, судя по всему, так и не превратились в связанные с общенародными празднествами. Исключительно ценной по составу наиболее почитаемых общецерковных и русских святых является шитая пелена первой половины XVI в., выполненная в Москве, предположительно происходящая из Кирилло-Белозерского монастыря⁷. В среднике — Никола среди митрополитов Петра и Алексия; на каймах — митрополит Феогност и Василий Парийский; Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, митрополиты Иона и Филипп; Леонтий Ростовский и Кирилл Александрийский; Сергий и Никон Радонежские; Евфимий Суздальский; Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский, Дмитрий Прилуцкий и Никита Переславский, Савва Вышерский и Пафнутий Боровский. Не исключено, что некоторые изображения патронального характера.

Шитые покрывы с фигурами святых, предназначенные для их гробниц, остаются наиболее убедительным свидетельством об их почитании и наиболее ценным иконографическим источником.

2. Византийские иконы и предметы церковной утвари на Руси.

О привозе из Византии, большей частью из Константинополя, икон сохранилось немало конкретных сведений, преданий и легенд. Оттуда происходили, в частности, иконы Богоматери Десятинной и Печерской, а также изображение Успения, являвшиеся святынями древнего Киева⁸. Из уцелевших едва ли не самой ранней оказывается икона Богоматери Холмской, XI в. (теперь в Луцке)⁹, воспроизведенная в начале XII в. на золотом амулете-змеевике князя Мстислава — сына Владимира Мономаха¹⁰. К первой трети XII в. относится привезенная около 1130 г. из Константинополя икона Богоматери Владимирской, в 1155 г. увезенная Андреем Боголюбским во Владимир, а с 1395 г. пребывающая в Москве¹¹. С середины XI в. известна икона Богоматери Одигитрии, позже исторически

⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (Репринтное изд. М., 1988).

⁶ Воронцова О. Лаврські печери. Путівник. Київ, 2000.

⁷ Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 26. Табл. 41. Изображенные здесь митрополиты Феогност, Иона и Филипп были тогда лишь местнопочитаемыми.

⁸ Пуцко В. Г. «Богородица Десятинная» и ранняя иконография Покрова // Festschrift für Fairy von Lilienfeld. Erlangen, 1982. С. 355–373; Пуцко В. Г. Печерский ктиторский портрет // Зограф. Бр. 13. Београд, 1982. С. 42–48; Пуцко В. Г. Печерська ікона Успіння Богородиці: легенда і дійсність // Родовід. Київ, 1994. Ч. 9. С. 193–198.

⁹ Александрович В. Холмська ікона Богородиці. Львів, 2001.

¹⁰ Пуцко В. Г. Білгородська гривна // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 193–198.

¹¹ Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери. Прага, 1928.

связанная со Смоленском¹². Некоторые из икон XI — начала XIII в., сохранившиеся до наших дней, могли быть выполнены греческими мастерами на Руси. До недавнего времени их принято было приписывать кисти русских иконописцев.

Проникновение византийских икон на Русь продолжается и в эпоху Палеологов, на этот раз преимущественно в Москву¹³. В частности, в 80-х годах XIV в. была принесена икона Богоматери Пименовской¹⁴. Воздействие таких образцов сказывалось на характере наиболее элитарного течения московской иконописи.

Судя по археологическим находкам в Новгороде, а в последнее время и в Киеве, в XII—XIII в. среди художественного импорта были произведения каменной пластики, резные иконки из стеатита, иногда полихромные, с позолотой. Напротив, камеи, судя по их ювелирным оправам, привозили на Русь исключительно редко, буквально в единичных случаях, и то в XIV—XV в. Большинство дошедших образцов византийской глиптики, в том числе более ранних, оказалось на Руси уже в поствизантийский период, о чем свидетельствуют их русские оправы XV—XVI в. и даже следующего столетия. Столь же большой редкостью были и греческие иллюминированные рукописи, вопреки бытующим легендам о подземной библиотеке. По-видимому, единичными были и иконки, а также мощевики византийского происхождения, выполненные в технике перегородчатой эмали.

Принципиально скорее можно ожидать присутствие на Руси византийских предметов церковной утвари. Действительно, в Новгороде сохранился выполненный в XI в. из позолоченного серебра Малый сион¹⁵. По его образцу был сделан Большой новгородский Сион, скорее всего по заказу Владимира Мономаха. Там же, в Новгороде, обнаружен чеканный выносной крест, воспроизводящий выполненную из драгоценного металла изысканную константинопольскую модель¹⁶. Не менее существенно, что в новгородской средневековой металлопластике утвердился именно византийский художественный стиль, о чем свидетельствуют различные по своему художественному уровню многочисленные изделия, среди которых есть и подлинные шедевры¹⁷. Греческие ювелиры в первой четверти XV в. работают в Москве над изготовлением утвари для кремлевских храмов, в том числе золотого оклада иконы Богоматери Владимирской, поражающего сложнейшими сканными узорами и изящными чеканными рельефами композиций праздничного цикла¹⁸.

3. Московские рецепции византийских икон.

Русские иконописцы, выполняя волю своих благочестивых заказчиков, стремились к воспроизведению привезенных греческих икон, особенно тех, которые прославлены чудесами. Почитание оригинала, таким образом, последовательно переходило на списки, количество которых с течением времени увеличивалось. Это не были копии в современном понимании данного термина, что позволяют видеть уже выполненные в начале XV в. списки иконы Богоматери Владимирской¹⁹. Более широкий круг произведений, генетически восходивших к тому же образу начала XII в., показывает, что художник отражает не только особенности и состояние живописи древнего произведения, но и свое восприятие последнего²⁰. Степень адаптации порой почти не знает границ, особенно при усилении

¹² Пуцко В. Византийская икона Богоматери Одигитрии в Смоленске: опыт реконструкции // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 29. Berlin, 1993. С. 99–110.

¹³ Подробнее см.: Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII — первой половины XV века. Каталог выставки. М., 1991.

¹⁴ Пуцко В. Две палеологовские иконы в Москве // Сборник радова Византолошког института. Књ. XVI. Београд, 1975. С. 203–210.

¹⁵ Стерлигова М. А. Малый сион из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 272–286.

¹⁶ Смирнов А. П. Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 27–40.

¹⁷ См.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века. М., 1996.

¹⁸ Рындина А. В. Оклад Евангелия Успенского Собора Московского Кремля. (К вопросу о ювелирной мастерской митрополита Фотия) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 143–167

¹⁹ Маркина Н. Д. Две иконы «Богоматерь Владимирская» начала XV в. (К вопросу об изменении иконографии древнего оригинала) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 168–177.

²⁰ См.: Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года: Сборник материалов. Каталог выставки. М., 1995.

посреднической роли разновременных списков, весьма далеких от оригинала: в результате от византийского оригинала остается лишь общая композиционная схема. Конечно, есть примеры и подлинно творческого подхода, глубокого проникновения в образность, и именно они определяют развитие русской иконописи.

На сегодняшний день тщательно собраны и проанализированы сведения исторических источников о почитании чудотворных икон Богородицы, находившихся в Московском Кремле, — византийских оригиналов и их русских списков, иногда уже заменявших утраченные подлинники²¹. К этому надо добавить, что выполненные в Москве списки икон вскоре оказывались далеко от столицы, будучи увезены в различные города и монастыри. Произведения, непостижимым образом сохранившиеся на местах, позволяют говорить как о хорошо поставленном выполнении списков прославленных икон, так и о широкой экспансии московского иконописания в провинцию. Не исключено, что именно к этой категории произведений принадлежит двусторонняя икона с изображениями Богородицы Одигитрии и Богоявления середины XVI в. в Великом Устюге²². Следы творческой деятельности греческих мастеров в Московской Руси столь же опознаваемы, как и воздействие византийской художественной традиции на московское иконописание второй половины XV — начала XVI в. Это наглядно можно видеть при сопоставлении произведений, которые ранее рассматривали преимущественно изолированно²³. Взаимодействие неизменно сопровождается адаптацией образца, что является нормой, характеризующей практику и более позднего времени²⁴. Нельзя при этом упускать из виду, что в указанный период в русской иконописи происходит также стирание локальных различий, характеризующих продукцию местных художественных центров²⁵. Нельзя сбрасывать со счетов и черты индивидуальных творческих манер, столь заметных в своем сочетании даже в иконах, выполненных в мастерской Дионисия.

4. Собираение святынь в системе московской государственной политики XV—XVI в.

Святыни домонгольского Киева исчезли бесследно, и в их числе глава св. Климента, перст Иоанна Предтечи, мощи св. Ольги, мощи и раки свв. Бориса и Глеба в Вышгороде²⁶. Иконография чтимых в Киеве икон сегодня может быть реконструирована лишь на основе списков и реплик в произведениях пластического искусства²⁷. Великокняжеской Москве пришлось собирать христианские реликвии ссызова, в новых исторических условиях, скупая у греков и при всяком удобном случае изымая в различных русских землях. В XIV в. московские князья получают реликвии из Константинополя, от императора и патриарха, в 1401 г. ковчег Дионисия Суздальского — «Страсти Спасовы», оказавшиеся «зазданными

²¹ Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богородица Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 252–302; Щенникова Л. А. Смоленские иконы Благовещенского собора Московского Кремля и их списки XV века // История и культура Ростовской земли. 1996. Ростов, 1997. С. 49–54; Щенникова Л. А. Иконы Богородицы, чтимые в Московской Руси XIV–XV веков // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. III. С. 167–185; Щенникова Л. А. Царьградская святыня «Богородица Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византизм и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 329–346; Щенникова Л. А. «Богородица Одигитрия Смоленская Иоасафовская» из Архангельского собора Московского Кремля // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 1999. Вып. 3. С. 69–74; Щенникова Л. А. Почитание святых икон в Московском Кремле в XIV–XVII столетиях // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2000. Вып. 4. С. 151–171; Щенникова Л. А. Чудотворные иконы Московского Кремля // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 230–264.

²² Взорнов Г. И. Об иконе Богородицы Одигитрии из Великого Устюга (легенда и действительность) // Средневековая Русь. М., 1976. С. 325–331.

²³ Поствизантийская живопись: Иконы XV–XVIII веков из собраний Москвы, Сергиева Посада, Твери и Рязани. Каталог выставки. Афины, 1995.

²⁴ См.: Пятницкий Ю. А. Московский Кремль и греко-русские связи XVI–XVII веков // Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 23–37.

²⁵ Гусева Э. К. Московские и Смоленские иконы «Богородицы Одигитрии» и сложение общерусской иконографии «Одигитрии Смоленской» в XV — начале XVI века // Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 92–117; Лаурина В. К. Дионисий и искусство Москвы XV–XVI столетий // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 84–112; Малкин Г. Два живописных ансамбля круга Дионисия и его преемников // Там же. С. 123–142; Пушко В. Г. Северная русская икона: фольклорное истолкование византийского образа // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей. Вологда, 2002. С. 56–71.

²⁶ Айналов Д. Судьба киевского художественного наследия // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Вып. XII. Пг., 1918. С. 23–39.

²⁷ Пушко В. Г. Произведения искусства — реликвии древнего Киева // *Russia Mediaevalis*. Т. VI. 1. München, 1987. С. 135–156.

в стене» суздальского собора, — уже в Москве, как одна из главнейших великокняжеских святынь, в XVI в. хранящаяся в царской Образной палате²⁸. Со второй половины XV в. возвышающаяся Москва осуществляет последовательное собирание святынь, вселенских и русских, чему немало способствовало провозглашение церковной автокефалии московской митрополией в 1448 г. ввиду того, что, по словам Ивана III, «греческое ся уже православие изрушило». Что-то из реликвий византийского императорского дома, по-видимому, было привезено в Москву и Зоей Палеолог — дочерью Морейского деспота и племянницей последнего императора Византии.

Обращение к авторитету местной церковной традиции, как известно, занимало видное место в культурной жизни Новгорода в период борьбы за независимость в XV в., особенно при архиепископе Евфимии II (1429—1458). Эта позиция вскоре становится характерной и для Московской Руси, где со второй половины XV в. возникает доктрина о древнем происхождении власти и об особом предназначении, что наиболее отчетливо выражено было затем в «Книге степенной царского родословия». Повышенное внимание к церковно-художественным древностям закономерно приводит к собиранию святынь под самым благовидным предлогом: поиском сверхъестественной благодатной силы или же на подавление, сопровождавшееся обычно выполнением списков, как это можно видеть на конкретных примерах²⁹.

В литературе часто встречаются упоминания о принесении в Москву в 1395 и 1480 г. чудотворной иконы Богоматери Владимирской, которая затем остается в Успенском соборе Московского Кремля. Отныне перенесение местных святынь в столицу, как некогда в Константинополь, становится формой их государственного прославления. В 1505 г. «в чащах леса» в Боровском уезде простолюдин Феофан из села Сяндрино «прииде на место, зовомое Рышково», на правом берегу Нары, и там неожиданно обнаружил на рябине меднолитой складень-триптих с изображением праздников. Вскоре последовали чудеса, слухи о которых дошли до боровского воеводы Афанасия Нефедьева, который известил великого князя Василия III, повелевшего: «Да принесется пречудная та икона в царствующий град Москву». В 1510 г. складень был поставлен в Успенском соборе и находился там, пока «не по мнозе времени явися на прежнем месте, зовомом Рышково». Однако в столице все же успели выполнить из серебра чеканное воспроизведение рышковского складня, позже вложенное в Муромский Троицкий женский монастырь³⁰. В 1517 г. митрополит Варлаам поновляет написанную на доске из Салоник икону св. Дмитрия Солунского из Дмитриевского собора во Владимире, а в следующем 1518 г. из того же древнего города привозят на поновление иконы Спаса и Богоматери (предполагают, что Боголюбской). Весьма вероятно, что это событие инспирировало возникновение иконографической композиции «Моление о народе», наиболее ранние образцы которой относятся именно к указанному времени. В 1531 г. в Москву доставлены из Ржева иконы великомученицы и преподобной Параскевы, в 1540 г. — туда же икона Богоматери и крест, незадолго до того обретенные в окрестностях Оковца. В 1555—1556 г. находилась в Москве на поновлении частично поврежденная пожаром 1554 г. в Хлынове чудотворная икона Николы Великорецкого. Судя по тому, что уже в 1506 г. был построен в Кремле храм Николы Гостунского, этот чтимый образ оказался перенесен в столицу из церкви села Гостунского значительно раньше упомянутых здесь реликвий³¹.

²⁸ Стерлигова И. А. Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1999. С. 280—303; Стерлигова И. А. Ковчег Дионисия Суздальского // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 45—52.

²⁹ Этой теме посвящена специальная работа: Маханько М. Собрание в Москве древних икон и реликвий в XVI веке и его историко-культурное значение // Искусствознание. 1998. № 1. С. 112—142. Поэтому в данном случае можно ограничиться указанием лишь отдельных исторических фактов.

³⁰ Богословский П., свящ. Сказание о явленной и чудотворной иконе «Успение Божией Матери», находящейся в храме с. Рышкова, Боровского уезда // Калужская старина. Калуга, 1911. Т. VI. С. 7—13; Пуцко В. Г. Рышковская чудотворная икона — произведение металлопластики Московской Руси // Малоярославец: проблемы истории и возрождения. Малоярославец, 2001. С. 217—229.

³¹ Подробнее см.: Белов С. П. Икона «Никола Великорецкий» 1558 г. из Сольвычегодска // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 202—206.

Но, конечно, ниоткуда не могло быть вывезено в Москву так много древних икон, как из Новгорода, который представлялся устроенным по подобию Царьграда. Еще до 1554 г. увезена дневная «Корсунская» икона Благовещения из Юрьева монастыря, а в 1561 г. доставлены в столицу и наиболее чтимые греческие и «Корсунские» иконы из Софийского собора — «Спас царя Мануила» и апостолов Петра и Павла, но основное перемещение новгородских церковных древностей в столицу произошло после печально известного разгрома города в 1570 г. Одни из этих икон оказались в Успенском соборе Московского Кремля, другие по изготовлении списков были позже возвращены в Новгород, если (как в случае с иконой Спаса) не отосланы вместо них копии. Икона св. Николы передана в Новодевичий монастырь. Таким образом, царь стремился уподобиться равноапостольному царю Константину, собравшему святыни со всего христианского мира. Есть сведения о том, что до страшного московского пожара 1547 г. в казне и постельных великих князей находились «святые образы корсунского письма и греческого и цареградского». В этом известии нет ничего невероятного при большом пиетете по отношению к византийскому наследию, закрепленному постановлениями Стоглавого собора 1551 г.³² В течение целых двадцати лет находилась в Москве взятая Иваном IV в 1563 г. «в свой царский дом» из Свенского монастыря икона Богоматери Печерской, привезенная в 1288 г. брянскому князю из Печерского монастыря, украшенная в столице драгоценным окладом и получившая широкую известность благодаря изготовленным спискам³³.

Собирание икон имело своей целью обогащение русской столицы святынями и содействие развитию иконописания, к чему имели самое близкое и непосредственное отношение митрополит Макарий и сам царь Иван IV³⁴. Их роль особенно отчетливо проявляется в отношении к содержанию известных мистико-дидактических икон, написанных псковскими мастерами³⁵. Несомненно положительным фактором явилось развитие иконографии русских святых, в том числе только что канонизованных, имевшей портретные элементы, но в целом следовавшей традиционной византийской типологии³⁶. Известны факты принесения в Москву икон святых, написанных там, где они имели особое почитание, связанное с местонахождением мощей: из Новгорода, Ростова, Кирилло-Белозерского монастыря. Это явление наряду с экспроприацией местных святынь практически обеспечивало столице положение духовного центра страны, сосредоточившего многие общехристианские и национальные русские церковные реликвии. Их число со временем весьма увеличилось.

Различными путями осуществлялось и собирание частиц Истинного Креста Господня, являвшихся чаще всего принадлежностью воздвизальных крестов, и ковчежцев-мощевиков различного типа. Большинство из них было сосредоточено в Благовещенском соборе Московского Кремля. Не во всех случаях происхождение реликвий прослеживается с достаточной достоверностью. Однако серебряная константинопольская ставротека XII в. традиционно связывается с именем патриарха Филофея³⁷. Воздвизальный крест второй половины XII — первой четверти XIII в., с перечнем вложенных мощей, из Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля, условно локализуется Новгородом³⁸.

³² Ostrogorsky G. Les décisions du Stoglav concernant la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine // Recueil Uspenskiy. Paris, 1930. Vol. I. P. 393—411.

³³ Пуцко В. Печерский ктиторский портрет // Зограф. Бр. 13. Београд, 1982. С. 42—48; Маханько М. Собирание в Москве древних икон и реликвий в XVI веке и его историко-культурное значение. С. 128—129.

³⁴ Подробнее см.: Андреев Н. Е. Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1935. Т. VII. С. 227—244; Андреев Н. Е. Иоанн Грозный и иконопись XVI века // Анналы Института имени Н. П. Кондакова. Прага, 1938. Т. X. С. 185—198; Андреев Н. Е. Литература и иконопись: к истории идей в Московской Руси // To Honor Roman Jakobson. Hague-Paris, 1967. Vol. I. С. 63—81.

³⁵ Сарабьянов В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. С. 164—217; Пуцко В. Г. «Четырехчастная» икона Благовещенского собора и «латинские мудрования» в русской живописи XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. С. 218—235.

³⁶ Из специальных работ см.: Riabuchinsky W. P. Les elements portraïtiques dans les icônes russes // Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines. Paris, 1951. Т. II. P. 359—364; Макарий (Веретенников), архим. Первый образ в иконографии русских святых // Православие и русская народная культура. М., 1996. Кн. 6. С. 5—21; Пуцко В. Г. L'iconografia dei santi russi. Fonti e sviluppo // Forme della santità russa. Bose, 2002. P. 279—313.

³⁷ Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 39—42. № 2.

³⁸ Там же. С. 42—43. № 3.

В число древнейших святынь московского великокняжеского дома входил датированный 1410 г. ковчег-мошевик нижегородской княгини Марии³⁹. Знаменитый воздвизальный крест 1161 г. преп. Евфросинии Полоцкой уже в конце XII в. или в первой половине следующего столетия стал военной добычей смоленских князей, а в 1514 г. оказался в руках Василия III, и в 1563 г. его сын, Иван IV, взял эту реликвию в поход на Полоцк, которому ее вернул⁴⁰. Новгородский складень-мошевик Семена Трусова 1561 г. был получен св. Филиппом по пути в Москву на поставление в митрополиты, а затем послан в Соловецкий монастырь, где он значится в описи ризницы с 1570 г.⁴¹ В 1588 г. константинопольским патриархом Иеремией II был поднесен царю Федору Иоанновичу ковчег сербской работы XIV в. с частью мощей св. царя Константина⁴². К 1598 г. относится изготовление в кремлевских мастерских серебряного ковчега для мощей св. Феодора Стратилата⁴³. В ризнице Троице-Сергиева монастыря оказались новгородские мошевики⁴⁴.

Надо заметить, что судьба христианских реликвий в средневековой Руси и их состав с трудом поддаются изучению, особенно по причине утраты реликвариев, в том числе известных в специальной литературе⁴⁵. Большая же часть мощей и мошевиков погибла бесследно. Поэтому они не могут найти отражение даже в статистических данных.

5. Роль византизма в московской духовной культуре.

Собственно греческих реликвий, икон, предметов церковной утвари вряд ли когда было очень много на Руси, и в то же время притягательность византийского наследия является очевидной. Обладание им было свидетельством православных корней русской христианской традиции и вместе с тем реальной возможностью обращаться к высоким образцам. Их усвоение зависело от общего интеллектуального уровня духовенства и творческих кадров и служило отличием элитарного направления богословской мысли и сакрального искусства. Духовная культура Москвы XVI в. знает тому примеры. Осознание необходимости надлежащего почитания отечественных подвижников благочестия служит проявлением тех же высоких стремлений, соединенных с надеждой на молитвенное предстательство прославляемых святых. Невиданно широкая канонизация должна была стимулировать оздоровление церковной жизни и способствовать упрочению местных культов, ставших теперь общерусскими. В московской практике XVI в. очень заметно желание собрать максимально число святынь, источником чего могли быть лишь привозимые приезжавшими за милостьюней духовными лицами с православного Востока и хранившиеся в русских городах, более уцелевших от погромов, чем не раз подвергавшаяся вражескому нашествию Москва. Выполнение списков изысканных по живописи и прославленных чудотворениями икон служило не только расширению известности последних, но и воспитанию эстетического вкуса мастеров. Об их явно неодинаковой способности к восприятию высокого образца свидетельствуют сохранившиеся воспроизведения знаменитых оригиналов, в целом это нормальное явление, объективно характеризующее иконописное дело. Особо следует отметить трудность восприятия и адекватной передачи греческой манеры, требовавшей больших профессиональных навыков. Русские иконописцы, не исключая и знаменитых, обычно прибегали к техническим упрощениям или же несколько иначе трактовали иконный образ в целом.

Византийское наследие, тем не менее, предопределило развитие русской духовной жизни, почитания своих подвижников благочестия и характер церковного искусства, в XVI в. наряду с греческим успешного испытать и западные воздействия. Правда, они не могли тогда радикально изменить общий характер иконописи, генетически связанной с палеологовскими образцами, тем более в их

³⁹ Там же. С. 53–54. № 7.

⁴⁰ Алексеев Л. В. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии) // Российская археология. 1993. № 3. С. 73–74.

⁴¹ Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 59, 61–63. № 12.

⁴² Там же. С. 126–128. № 33, 43.

⁴³ Там же. С. 131–133. № 34.

⁴⁴ См.: Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.

⁴⁵ Подробнее см.: Пуцко В. Г. Серенский энколпион и христианские реликвии в Древней Руси // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2002. Вып. 4. Ч. 1. С. 94–102.

константинопольском варианте. В Москве существовали свои иконописные мастерские, из стен которых выходили изысканные произведения, судя по сохранившимся в кремлевских храмах. Замечательные мастера работали в этот период также в Новгороде и Пскове⁴⁶. Фольклорное направление с его заметной адаптацией классического образца получает распространение главным образом в провинции. Но ведь именно так обстояло дело и на Балканах. Переработка византийских форм вряд ли всегда оказывалась ясно осознанной и скорее отражала характер их восприятия. Следовательно, роль византизма в московской духовной культуре была скорее организующей, чем задерживающей творческое развитие.

Московское иконописание XV в. можно характеризовать как наиболее классическое, даже при существовании различных направлений⁴⁷. На рубеже XV—XVI в. русской культуре суждено было встретиться с западным творческим опытом, прежде всего в зодчестве, книжном искусстве, ювелирном деле. Святые и святыни, казалось, продолжали восприниматься в контексте византийского наследия. Но вот период Реформации косвенно приводит к проникновению в церковный обиход латинской утвари⁴⁸. Затем все больше обращают на себя внимание элементы католической иконографии. Наконец, Смутное время далеко отодвинуло византийский идеал вместе со столь притягательным наследием.

⁴⁶ Образцы их иконописной продукции см.: Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001; Родникова И. С. Псковская икона XIII—XVI веков. Л., 1991.

⁴⁷ Пуцко В. Г. Золотой век московской иконописи // «Золотой. Серебряный. Железный...». Курск, 2002. С. 50—60.

⁴⁸ Пуцко В. Латинская церковная утварь в средневековой Руси // София. Новгород, 2001. № 3. С. 18—22.